

Эдуард СКВОРЦОВ — член МГО Союза писателей России, кандидат наук. Автор трилогии «Гуща жизни»: «Страсти-напасти», «Страсти вокруг да около» и «Гримасы любви», а также книг «Белая лента», «Перепутье времен», «В круге жизни», сборника прозаических произведений «Двойная блокада». Неоднократный участник альманаха «Литературная республика» и сборника номинантов литературного конкурса «Россия–Испания». За книгу «Белая лента» удостоен диплома, а за книги «Гримасы любви» и «Перепутье времен» — грамоты МГО СП России по итогам конкурсов «Лучшая книга года» 2011–2013 годов.

ОТПЕВАНИЕ ТЕТКИ АКУЛИНЫ

Когда гроб сняли с труповозки и четверо дюжих мужчин поставили лакированный ящик на кладбищенскую каталку, группа родственников, бывших коллег усопшей и просто зеваки некоторое время переминалась с ноги на ногу перед закрытыми воротами Храма всех новомучеников и исповедников российских. Странно, кому в голову пришло так величать кладбищенскую церквушку, покосившуюся, с облупившейся штукатуркой, едва удерживающую от падения при малейшем порыве осеннего ветра вознесенный над ее тщедушным куполом крест.

Выпускник восьмого класса средней школы Ипполит Дровнин топтался около матери, которая в непривычном траурном одеянии выглядела чарующе. Сын не мог не заметить, как немногие мужчины в траурной толчее бросали любопытные взгляды на благочинную женщину, а то и норовили приложиться к ее ручке в ажурной шелковой перчатке.

Вообще-то Ипполит Карлович, как величала его умершая позавчера тетка Акулина, должен был идти сегодня на занятия в автодорожный лицей, куда его определила мать с первого сентября. Общение с матерью в последнее вре-

мя сильно напрягало Ипполита. Она вдруг, как показалось сыну, ни с того ни с сего уверовала в Бога и стала активно посещать все церковные мероприятия.

Ольга Гермогеновна Дровнина пыталась и подростка брать с собой. Но Ипполит заупрямился.

— Ты совсем как твой отец, — в раздражении говорила мать сыну, торопливо убегая в церковь.

Сначала Ипполит подумал, что у нее появился воздыхатель среди церковных служащих, — уж больно длительное время женщина проводила перед зеркалом, оправляя нижнее белье и верхнее платье, но потом понял, что она самоотверженно повенчалась с церковью в духовном браке. При этом в разговорах с сыном мать нередко выказывала зависть «удачному замужеству» сестры, у которой, правда, от любимого ею мужа не было детей. Между тем, складывалось впечатление, что муж Акулины так не считает и вовсе не прочь сменить жену. И, что характерно, мать Ипполита двойственно относилась к мужу сестры. Иногда она говорила, что им с сестрой следовало поменяться мужьями, и тогда восторжествовала бы любовь всех четверых: двух сестер и правильно разобранных мужей. Вышло, что Дровнина возмущалась Игорем Олеговичем за то, что он предпочел ей сестру Акулину, причем порой негодованию ее не было предела. Особенно после того, как отец Ипполита подал на развод и ушел от жены к родителям.

В итоге раздосадованная женщина непрерывно молилась и еще чаще крестилась. Мать даже подумывала, не определить ли сына в духовную семинарию, но Ипполит грозил уйти из дома, если она станет затягивать его в церковные пути.

Вот тогда и возник автодорожный лицей, в котором преподавала родная тетка Ипполита, сестра матери — Акулина Гермогеновна Крупова.

Тетка была не столь привлекательна с виду, как его сексапильная мать, но притягивала к своим женским прелестям словно магнитом. Ипполит исподтишка сладострастно наблюдал за обеими женщинами. И если мать одергивала сына, когда он бросал слишком откровенные маслянистые взгляды на ее голые ноги, то Акулина, можно сказать, поощряла сексуальное развитие парня, поскольку по мере своей игривости позволяла себя нецеломудренно осматривать, а то и прикасаться к своим рельефным грудям или пышным бедрам.

Переход в лицей и начало занятий определенно понравились Ипполиту, но тут нехстати умерла тетка. Парень искренне надеялся на ее поддержку и сочувствие, однако Всевышний затребовал Акулину в свою вотчину.

В толпе собравшихся на отпевание люди с теплотой, а кто-то и восторженно отзывался об усопшей.

— Ну что же, — произнес ее овдовевший супруг Игорь Олегович, — порядочные люди и там нужны.

— Несносный, — отвернувшись в сторону кладбищенской ограды, произнесла мать Ипполита. — Тебя бы туда спровадить хотя бы на недельку, чтобы повернулся к своему счастью.

В это время ворота храма отверзлись. Закрытый крышкой гроб с телом усопшей родные и близкие мужского пола, облаченные в траурные одежды, переместили в церковный притвор.

Особыми погребальными звуками зазвонил колокол, возвестивший о начале отпевания. Тут же внесли в церковь немеркнущие искусственные венки и крупные букеты ломких живых цветов.

Мать, стоя рядом с Ипполитом, с видом знатока комментировала происходящее.

— Православная церковь, — шептала Дровнина, — признает загробную жизнь, поэтому считает, что человек не умирает, а усыпает. Усопшим становится только тело, душа же продолжает жить. В первые 40 дней определяется ее дальнейший путь. В этом помогают молитвы, которые поются во время отпевания.

Всем разместившимся в церкви раздали горящие свечи, просунутые в узкую щель аккуратного клочка бумаги, задерживающего кипящие капли воска, наподобие горючих слез, норовящих прожечь верхнее платье и обувь, обречено причащающихся к отпеванию женщины в гробу.

Мать Ипполита торопливо зажигала от своего огонька фитилек свечи сына, когда от неосторожного дуновения или движения пламя в его руках вдруг гасло: ей было важно, чтобы отпевание не прерывалось и не затягивалось.

Священник предложил мужчинам снять крышку гроба.

Боже праведный, Благословенная Дева Мария, какой же умиротворенной предстала взорам собравшихся тетка Акулина: уста в кои веки сомкнуты, глаза закрыты, руки сложены на груди крестообразно, правая поверх левой. Руки прижимают к груди иконку с изображением Богородицы.

Ипполит Дровнин так увлекся видом тетки Акулины в роскошном гробу на белоснежной шелковой подстилке, что свеча в его руках, грешным делом, погасла. Можно было подумать, что Ипполит отказывается верить в смерть тетки. Пока мать колдовала со свечкой, пытаясь оживить огонь на ее конце, Ипполиту показалось, что тетка задорно подмигнула ему правым глазом, давая знать, что у них еще все впереди, и, как только кончится отпевание, они уединятся...

Между тем, в продолжение сексуальных грез, Ипполиту представилось, будто тетка Акулина едва приподняла свою левую ногу, приглашая разогретого юношеским влечением парня взобраться к ней на стол.

В постели полуобнаженную тетку Ипполит видел, когда мать его посылала проведать сестру, страдавшую воспалением верхних дыхательных путей. Но на столе...

Парень пришел в сознание, когда ощутил у себя перед животом ягодицы матери, вставшей спиной на пути его подсознательных желаний и миражей.

В это время священник раскопчегарил на углях свое кадило и, нагнетая чад от плохо горящего кусочка ладана, приступил к молитве по усопшей.

Мать сжала руку сына, давая понять, что все внимание следует переключить на заступ к молебну.

— В минуты кончины Пресвятой Девы Марии явился Ей Господь Иисус Христос и принял Ее пречистую душу. Тело же апостолы погребли в Гефсиманском саду, — начал бубнить священник, не спуская глаз с усопшей, как если бы боялся, что зловредные черти из Преисподней похитят тело из гроба, и некого будет хоронить по итогам благостного отпевания. Священник явно торопился добраться хотя бы до середины поминального действия:

— Когда же апостол Фома захотел приложиться к телу Богоматери, то обнаружили пустой гроб, но тут Матерь Божия явилась им в лучезарном сиянии на небе, — продолжал скороговоркой повествовать священник.

В Храме запели на два голоса: женский и мужской, — красиво так, что за душу берет, и сладко-сладко из нее музыкальные струны тянет.

— Акулина в рай попадет? — шепотом спросил Ипполит.

— Откуда же я знаю, — тихим голосом в пол-оборота к сыну отвечала мать. — На исповеди сестры со священником я не была и не знаю, сколько грехов своих она назвала, сколько замолила, — ответила мать сыну. — Опять

же, как пройдет отпевание, насколько усердно собравшиеся будут молиться, а священник усердствовать при чтении Псалтыря.

— Это еще что такое? — тихо спрашивает Ипполит.

— Слушай, блудник, сам узнаешь, — отрезала мать.

Священник продолжал витийствовать уже за Богородицу:

— Радуйтесь. Я всегда буду молитвенницею вашею перед Богом и буду просить Сына Моего исполнять просьбы верующих.

— Слава тебе Господи, — подумал Ипполит, — что не надо стремиться к встрече со Всевышним, а достаточно попросить тетку Акулину обратиться к Богородице, а та уже донесет просьбу о прощении грехов праведных Всевышнему.

Пренебрегая душевным смятением сына, Ольга Гермогеновна повернула голову в сторону свояка. Тот как будто ждал этого ищущего взгляда и подмигнул левым глазом. Свояченица потупила взор и задрожала напрягшимися ягодицами, все еще прижатыми к животу Ипполита.

— Другое дело, — подумал Ипполит, — хотелось бы, чтобы Всевышний простил грехи моего отца, презревшего тяготы семейной жизни и бросившего нас с матерью в бедственном материальном положении, не позволившем мне поступить в Гимназию при Министерстве Иностранных дел.

Мать неоднократно напоминала Ипполиту, что душа Карла Дровнина, отца его, если он умрет, будет в компании грешников жариться в аду. Ипполит явственно представил себе голые фигурки, наподобие обжаренных полосок картофеля, которые прыгают над раскаленными масляными пятнами по нестерпимо жаркой сковородке, и ему стало стыдно.

С этого момента он перестал думать о тетке Акулине, чтобы не способствовать ее попаданию в ад.

Размечтавшегося Ипполита с потухшей свечой в руке мать ударила слегка поднятой ногой. В этот момент щелкнула одна из застежек на резинках ее грации, и правый чулок стал предательски опускаться из под черной юбки.

Желая скрыть свой неприглядный вид оплошавшей блудницы, Ольга Гермогеновна принудила Ипполита поменяться местами, так что теперь она оказалась почти рядом с Игорем Олеговичем.

С этого момента все внимание парня переключилось на свояков: ведь если они сойдутся, то ему придется плохо, — впору переезжать жить к отцу, которого он любит, хотя мать считает отца грешником и безбожником.

— Впрочем, чего церковь пугает несчастных людей. Причудливый ад — он тут, — думал Ипполит, покидая церковь вслед за выносом гроба по завершении отпевания. — А там, на небе, куда Всевышний дух мужчины или женщины ни определит, везде лучше. Ведь где царит Бог, там везде хорошо. Другое дело, что на земле мало кто посвящает Царю Небесному свои житейские подвиги, все больше держат за поминальную икону отпущения грехов.

— В конце концов, пребывать на небе проще, — подумал Ипполит, — чем жить на земле, а тем более в гробу под землей.

Погребение гроба прошло без сучка и задоринки: каждый, кто желал, бросил в яму горсть земли. Могильщики завершили закапывание гроба без лишних свидетелей.

Покидавшие кладбище свояки, взявшись за руки, что-то горячо обсуждали: то ли меню в ресторане на поминках, то ли виды на совместную жизнь после сорокового дня. Все-таки не зря Гермогеновна молилась и верила.

Похоже, что Всевышний услышал женские стенания, и теперь грешно от веры отказываться в предчувствии большого личного счастья.

В ресторане на поминках Ипполит налегал на кулинарные блюда с другого конца стола. В начале стола у фотопортрета Акулины в траурной рамке рядом с его матерью сидел Игорь Крупов с деланно грустной физиономией. Мать под столом все поправляла застешки своей грации, которые могли предательски соскочить в самый неожиданный для свояков момент, и тогда уже свет туши-не туши, греха не избежать.

Предоставленный сам себе Ипполит думал:

— Может и правда следует пойти учиться в священники и всю оставшуюся длинную жизнь замаливать грехи тетки Акулины, которая чуть было не совратила сексуально озабоченного парня, мучаясь пренебрежением к своему телу со стороны блудливого мужа?